

УДК 930.2:003.072; ББК 63.2; DOI <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2019.106>

Е. А. Ляховицкий

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПИСЬМА

В литературе, посвященной кириллической палеографии, наблюдается определенный консенсус в понимании развития и типологии русского письма. Ранняя эпоха в его истории – XI–XIV вв. – связывается с уставом, торжественным письмом, характеризующимся правильностью начертаний. Во второй половине XIV в. возникает полуустав, доминирующий в XV–XVI вв. Его начертания уже не такие «правильные», писцы активно используются сокращения. Примерно тогда же, в конце XIV в., на базе полуустава появилась скоропись – письмо еще более быстрое и еще более «неправильное», чем полуустав и преобладающее до XVII в. и позднее¹.

Эта внешне логичная схема тем не менее оставляет большое количество вопросов. Нередко письмо того или иного памятника определяется авторитетными исследовате-

¹ *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография. М., 2005. С. 46–47; *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1999. С. 106–107; *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956. С. 150–152, 239, 360; *Тихомиров М. Н., Муравьев А. В.* Русская палеография. М., 1982. С. 29–33.

© Е. А. Ляховицкий, 2019

лями различным образом. Так, авторы описания пергаменных рукописей БАН относят письмо «Евангелие Мемнона-книгописца» к уставу², а А. А. Турилов – к полууставу³. М. Г. Гальченко относит «Евангелие Кошки» к полууставу⁴, а Г. И. Вздорнов – к уставу⁵. Серьезные противоречия, которые возникают при попытках определить типы письма, описаны Е. С. Быстровой применительно к определению понятия «скоропись»⁶.

В настоящей статье мы рассмотрим проблемы, связанные с понятиями «устав» и «полуустав». Мы постараемся показать, что использование данных терминов создает искусственную границу между древнерусским письмом XI–XIV и XV–XVII вв. Сама по себе трехчастная система типологии древнерусского письма является конструктом, возникшим в ранних опытах по истории древнерусской письменности второй половины XVIII – первой четверти XIX века в условиях крайне недостаточной палеографической проработки материалов.

Рассмотрим понятие «устав». Он определяется как медленное, тщательное письмо. Но в историографии давно отмечены памятники раннего периода древнерусской письменности, написанные относительно просто или даже небрежно. И. И. Срезневский указывал, что уставом могли писать «не только медленно, но и скоро»⁷. В качестве древнего примера такой «уставной скорописи» он приводил последний лист Путятиной минеи XI века⁸. Об «уставной скорописи» применительно к Саввиной книге писал В. Н. Щепкин, обративший внимание на упрощенность начертаний. Предпринявший системную сводную публикацию образцов письма русских рукописей XI века Н. М. Каринский отметил, что наряду с каллиграфическими образцами уставного письма имеются и «приписки, близкие по времени к написанию самих памятников, если не современные им, по которым можно судить о письме более будничном»⁹. Следует упомянуть, что серьезные отступления от каллиграфической тщательности наблюдаются в кодексах, например в письме Архангельского Евангелия 1092 г. (ОР РГБ, Музейное собр. 1666), Служебных Миней за сентябрь, октябрь и ноябрь 1095–1097 гг. (РГАДА. Ф. 381. № 84, 89, 91).

Устав – письмо правильных пропорций и форм. Но даже если вынести за скобки простые и относительно беглые образцы, о которых была речь выше, эта часть определения будет применима не ко всякому уставному письму. Благодаря фундаментальным

² Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI–XVI вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская; Ред. В. Ф. Покровская. Л., 1976. С. 96.

³ Турилов А. А. О времени и месте создания пергаменного «Евангелия Мемнона-книгописца» // Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории+ и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012. С. 618.

⁴ Гальченко М. Г. Об особенностях оформления почерка и орфографии Псалтири с дополнениями – памятника последней четверти XV в. из собрания И. М. Фадеева // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах древней Руси. М.; СПб., 2001. С. 322.

⁵ Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV в. М., 1980. № 57.

⁶ Быстрова Е. С. Скоропись в русской палеографии // Фотография. Изображение. Документ. 2011. Вып. 2(2). С. 52–55.

⁷ Щепкин В. Н. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899. С. 14.

⁸ Срезневский И. И. Древние русские книги: Палеографический очерк. СПб., 1864. С. 13.

⁹ Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925. С. 6.

исследованиям И. И. Срезневского, последовательно изучившего доступные ему точно датированные памятники русского письма XI–XIV вв., можно уверенно говорить о существенном отходе в XIII в. от графических образцов XI–XII вв., что привело нового, своеобразного облика древнерусского письма¹⁰.

Этот тезис был развит А. И. Соболевским¹¹ и особенно В. Н. Щепкиным. Последнему принадлежит наиболее полная характеристика «нового устава» XIV в. Ученый выделил типичные черты графики устава конца XIII–XIV в., выявившие достаточно определенную тенденцию: подъем перекладин в буквах «и», «н» и др., редукция верхних частей букв «в», «ж», «к» и пр., стремление письма к высоким пропорциям, и в целом, отступление от правильности и пропорциональности начертаний «раннего устава»¹².

Устав характеризуется малым количеством сокращений. Но и эта часть определения оказывается неполно точной. Е. Э. Гранстрем, исследуя сокращения в древнерусских рукописях, обратила внимание на более свободное и активное их использование во вспомогательных текстах: месяцесловах, указателях чтений, в которых писец был в меньшей степени скован каноном. Исходя из этого, по мнению исследовательницы, следует говорить о тенденции к развитию «полуустава» уже в XI веке¹³.

Итак, общее определение устава сильно упрощает картину древнерусского письма XI–XIV вв.¹⁴, способствуя возникновению в сознании исследователей границы между «уставным» и «полууставным» периодами.

Термин «полуустав» понимается в историографии чрезвычайно широко. Согласно систематизации, введенной А. И. Соболевским в рамках концепции «Второго южнославянского влияния»¹⁵, выделяют два подтипа полуустава: 1) «русский», или «старший», возникший во второй половине XIV в. автохтонный, и 2) «югославянский» или «младший», который полностью вытеснил первый в течение первой половины XV в.

Эти два подтипа предстают в литературе несопоставимыми по масштабу явлениями. Относительно старшего полуустава всегда подчеркивается упрощенность, небрежность, утилитарный характер письма, невысокие пропорции, отсутствие существенной разницы в толщине штрихов. Он определяется, фактически, как сниженная версия современного ему устава XIV века¹⁶. Представления о младшем полууставе не связаны со степенью небрежности и простоты письма, в него включается и торжественное, крупное письмо, и более мелкое¹⁷.

¹⁰ *Срезневский И. И.* Славяно-русская палеография XI–XIV вв. СПб., 1885. С. 260.

¹¹ *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография. С. 49.

¹² *Щепкин В. Н.* Русская палеография. С. 114–116.

¹³ *Гранстрем Е. Э.* Сокращения древнейших славяно-русских рукописей // Труды отдела древнерусской литературы. Т. X. М.; Л., 1954. С. 431–432.

¹⁴ На это обстоятельство справедливо указывал И. В. Левочкин. См.: *Левочкин И. В.* Основы русской палеографии. М., 2002. С. 58–62.

¹⁵ *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография. С. 53. – См. также: *Щепкин В. Н.* Русская палеография. С. 129.

¹⁶ См.: *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография. С. 53; *Щепкин В. Н.* Русская палеография. С. 118; *Гальченко М. Г.* О Древнейшей рукописи из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева // *Гальченко М. Г.* Книжная культура. С. 20.

¹⁷ См.: *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV – XV в. и «второе южнославянское влияние» // Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средне-

Совокупность признаков старшего полуустава, описываемых в литературе, не оправдывает его выделение, как самостоятельного типа письма. Выше уже говорилось, что рукописи, выполненные упрощенным, относительно беглым или небрежным письмом, не являются специфическим явлением XIV в. Большая часть начертаний, которые приводятся в качестве маркеров старшего полуустава¹⁸ – «е якорное», «е с поднятым язычком», высокие «ь», «т» и «э», начертания с высоко расположенными перекладинами и уменьшенной верхней частью – отмечается и для «уставных» рукописей¹⁹. Другие образцы букв представляют собой упрощения: «з» упрощенное, с круглым хвостом, «в» четырехугольное ступенчатое, «ч» с расщепом». Такой почерк может быть связан как с общим беглым или небрежным характером письма, так и с малым его форматом. По крайней мере, последние два варианта появляются в рукописях, выполненных мелким, но качественным письмом, которое исследователи определяют, как «мелкий устав». Так, «ч с расщепом» в два приема можно видеть в «Зарайском Евангелии» 1401 г.²⁰, «квадратное ступенчатое в» – в первой манере Лаврентьевской летописи²¹, Климентовской кормчей (ОР ГИМ, Синодальное собр. 183²²). Оба этих начертания используются в Служебнике Никона Радонежского конца XIV в. (ОР РГБ. Ф. 304. Оп. III. № 8)²³. Схожую манеру письма можно встретить и в мелких небрежных «полууставных» документах XVI в., например «в» – в 6-й манере Софийского комплекта Великих Миней Четых²⁴.

Возникновение младшего полуустава связывается с развитием не древнерусского, а южнославянского письма. П. А. Лавров отмечал в письме болгарских рукописей «отступления от правильного уставного типа» уже в XIII в., что в середине XIV в. привело к возникновению полуустава, для которого характерны «вытягивание» букв на концах строк, а иногда и в середине, на крайних строках листа; редукция верхних частей букв; нарушения симметрии начертаний²⁵. Схожие тенденции в сербском письме В. Н. Мошин

вековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. С. 522; Костюхина Л. М. Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. М., 1999. С. 7–13, 22–32, 35–41.

¹⁸ Об этом см.: Шибяев М. А. К вопросу о типологических признаках так называемого старшего полуустава // Историк и источник: Сборник статей в честь Сергея Николаевича Кистерева. СПб., 2018. С. 66–67.

¹⁹ Подробнее см.: Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 184–186, 198–199, 203, 205.

²⁰ Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. № 50. См. <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-256-sobranie-rukopisnykh-knig-n-p-rumyantseva/118> (дата обращения – 02.10.2018).

²¹ См.: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (дата обращения – 02.10.2018).

²² См. снимок: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. № 183.

²³ См.: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. № 44. См. <http://riznitsabook.ru/catalog/08/> (дата обращения – 02.10.2018).

²⁴ См.: Ляховицкий Е. А., Шибяев М. А. Писцы Макарьевских миней Четых // История и культура. № 13(13). СПб., 2015. С. 305.

²⁵ Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4.1. Петроград, 1914. С. 163–164. – Согласно П. А. Лаврову, примерно в это же время подобные изменения произошли и в сербской письменности (Там же. С. 178).

связывает с развитием в течение XIII в. скорописи. Последняя в XIV в. окажет заметное влияние на книжное письмо²⁶.

Есть основания полагать, что древнерусская письменность и до XV в. не была чужда подобных тенденций. В записях летописного характера из Студийского Устава конца XII в. (нач. XIII в., ОР ГИМ, Синодальное собр. 330)²⁷, встречается высокое «т». В двух случаях оно выходит за пределы строки и вверх, и вниз. Верхний горизонтальный элемент пишется крупно и манерно. В трех разных вариациях, включая характерную для XV–XVI вв. волнистую форму. Такая же форма придается горизонтальному элементу «ѣ», также далеко вынесенному за линию строки. Дважды «т» образует лигатуры с «р» и «н».

Ярким отражением данных тенденций является письмо второй манеры Рязанской кормчей 1284 г. (ОР РНБ. ОСПК. Фп. II.1). В ней, помимо прочего, присутствует «е» широкое с прямым, часто снабженным декоративными элементами язычком, и приобретающее вычурные формы. Буквы с наличием горизонтальных перекладин – «ѣ», «т», и др. – зачастую пишутся с сильным выносом над строкой, активно используются разнообразные лигатуры.

Исследователи русских рукописей конца XIV – начала XV в. обращают внимание, прежде всего, на орфографические явления. М. Г. Гальченко, развивая наблюдения А. И. Соболевского, отмечает следующие новации, имеющие отношение к письменной графике: 1) использование лигатуры «у»; 2) использование запятой и точки с запятой, как разделительного знака; 3) использование паерока; 4) использование акцентных знаков, таких как «оксия», «вария» и др.; 5) использование «s» в буквенном значении, 6) использование графем типа «о» с двумя точками, крестом внутри²⁸.

Все признаки, кроме двух последних, М. Г. Гальченко отметила уже в рукописях конца XIV – начала XV в., таких как: Триодь Цветная 1403 г. (признаки 1, 2, 4 из перечисленных), Киевская Псалтирь 1397 г. (1–3), Евангелие Тетр 1393 г. (3, 4). Письмо первой рукописи исследовательница описывает как сочетающее «черты устава и старшего полуустава»²⁹. Самым ранним образцом рукописи, написанной «младшим полууставом», по ее мнению, оказывается Златоструй 1407 г.³⁰

Наиболее тщательное описание младшего полуустава с точки зрения графики письма принадлежит В. Н. Щепкину. Он выделяет группу «новых» начертаний, которые сосуществуют со «старыми»: «в» четырехугольное, округлое, в форме «ε», новые формы

²⁶ *Мошин В. Н.* Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973. С. 64–66.

²⁷ *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка XI–XIV веков. Снимки с памятников. СПб., 1898. № 22; *Ищенко Д. С.* Старейший русский список Студийского устава // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 153–156.

²⁸ *Гальченко М. Г.* Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в.) // Гальченко М. Г. Книжная культура. С. 346–357, 360–362, 366–370.

²⁹ *Гальченко М. Г.* Второе южнославянское влияние... С. 334.

³⁰ *Гальченко М. Г.* Второе южнославянское влияние... С. 339.

«v», формы «ѵ» с высокой мачтой и волнистым горизонтальным элементом на ней, «ъ» с высокой загнутой мачтой, «а» с изогнутыми или прямыми элементами, выходящими за пределы строки. Другие «новые» начертания, по мнению ученого, «вытеснили своих предшественников»:

- 1) вычурные начертания «земли», в том числе напоминающие арабскую цифру 3;
- 2) новый тип широкого «е», с прямым или обращенным вниз язычком, вместо широкого «е», у которого язычок обращен вверх;
- 3) вместо «w» с сокращенной серединой снова появляется «w» с высокой серединой;
- 4) «т» с тремя ножками вместо «т» на одной;
- 5) вместо «ч» симметричного «ч» одностороннее;
- 6) вместо «и», «н», «ю» с косой перекладиной сверху – начертания с косой перекладиной в середине³¹.

Нужно отметить, что относительно раннее древнерусское книжное письмо знает помимо прочих варианты начертания «земли» с круглым, довольно далеко уходящим под строку загибающимся нижним элементом. Такие образцы можно видеть, например, в Богословии Иоанна Дамаскина конца XII – начала XIII в. (ОР ГИМ, Синодальное собр. 108)³², Хронике Георгия Амартола XIV в. (НИОР РГБ. Ф. 173.I.100)³³. Очень близкие начертания типичны и для древнерусских рукописей XV–XVII вв.³⁴

Что касается широкого «е», то как и в случае с «w» с высокой серединой³⁵, начертание с прямым язычком имелось в «уставных» древнерусских рукописях XI–XII вв.³⁶ С другой стороны, вариант «большого е» с изогнутым язычком, как бы опрокидывающегося налево можно встретить как в книжности XIV в., так и в существенно более поздних кодексах, например, Евангелиях из собрания М. П. Погодина и Кирилло-Белозерского монастыря (ОР РНБ, собр. М. П. Погодина, №133, 1507 г.; собр. Кирилло-Белозерского монастыря 46/51, 29/34 XVI в.), Софийском комплекте Великих Миней Четых³⁷.

Начертания с расположенными в верхней части знака перекладинами очевидно связаны с вытянутыми пропорциями, нередко свойственными крупному письму XIV в. Не приходится удивляться, что такие примеры можно видеть и в существенно более позднем письме с подобными пропорциями. Так, они используются в Угличской Псалтири 1485 г. (ОР РНБ, ОСРК F.I.5)³⁸ в Валаамском Евангелии 1495 г. (НИОР БАН, 24.4.26), в Боровском Евангелии 1528 г. (ОР ГИМ, Музейское собр. 3878). В этих и им подобных кодексах можно, в частности, увидеть то же самое «т» традиционной формы с двумя треугольными засечками, которое имеется в кодексах XI–XIV вв. Уже в рамках «уставного» письма с XIII в. фиксируется и появление односторонней «ч»³⁹.

³¹ Щепкин В. Н. Русская палеография. С. 126, 129–130.

³² Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. № 3.

³³ Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. № 18.

³⁴ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. С. 192.

³⁵ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. С. 200.

³⁶ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. С. 185, 200.

³⁷ В 21-й манере. См.: Ляховицкий Е. А., Шибяев М. А. Писцы Макарьевских миней Четых. С. 306.

³⁸ На л. 5 с заставкой. См.: <http://nlr.ru/manuscripts/fondy/elektronnyj-katalog#3?ab=4D47373D-837D-41A0-9C42-CC051E205AB8> (дата обращения – 04.10.2018).

³⁹ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. С. 202.

Итак, «новые» начертания в основном не заменяют «старые», а существуют наряду с ними. Можно говорить не о разрыве с предшествующей традицией в конце XIV – начале XV в., а о ее обогащении новыми графическими формами. Некоторые из них, впрочем, уже бытовали в древнерусской письменности. В документах XV–XVII вв. не редкостью, а скорее преобладающим типом являются рукописи, в которых «новые» начертания (вычурные варианты «земли», начертания с далеко вынесенными над строкой, или опущенными под нее мачтами, волнистыми горизонтальными линиями, и пр.), используются ограниченно, не являются стилиобразующими.

Книжность XVI в. знает и письмо, далеко отходящее от «классического» образа. К таким «инновационным» манерам можно отнести каллиграфическое творчество Исаака Бирева, Ионы Козы, где существенную роль в формировании ритма письма имеет использование начертаний с волнистыми горизонтальными элементами, находящимися над строкой – «ь», «э», «т»⁴⁰. В еще большей мере отходят от традиций «грецизированные», склонные к округлым формам манеры, например, Гурия Тушина, Исайи Каргопольца⁴¹. Известно, что Исаак Бирев и Гурий Тушин владели и «классическими» манерами письма⁴².

Итак, понятие «полуустав» оказывается одновременно избыточным и недостаточным. С одной стороны, оно объединяет разнородные, принципиально различные явления. Черновое письмо второй половины XIV в. оказывается объединено с книжным письмом XV–XVII вв. во всем его многообразии, от фундаментального письма до манер, испытывающих влияние греческого минускула. С другой стороны, это понятие разбивает то, что условно можно назвать «традиционным направлением» в развитии древнерусского книжного письма. Невозможно отрицать значимые стилистические изменения в графике письма XV–XVI вв. по сравнению с XIV в. Однако подобный стилистический сдвиг, как уже говорилось, отмечается и в XIII–XIV вв.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что в сознании древнерусского книгописца имелось два основных типа письменной графики: устав (или «книжное письмо») и скоропись. Впервые на это обратила внимание М. В. Кукушкина, изучавшая материалы севернорусских монастырей XVII в.⁴³ Д. О. Цыпкиным, исследовавшим

⁴⁰ См., например, переписанное Исааком Биревым Евангелие Учительное 1524 г. РГБ. Ф. 304.1.100 (см.: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=100> (дата обращения – 04.10.2018)).

⁴¹ См. образец «грецизированной манеры Гурия Тушина, Житие Саввы Сербского, РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря 27/1266: <http://expositions.nlr.ru/rusautograph/pismo/ustav/albom.php?sDoc=353D1F27-8631-4CE2-B9D2-3C4B65C67338> (дата обращения – 04.10.2018); образец письма Исайи Каргопольца. Слова Василия великого о постничестве 1556 г.: РГБ. Ф. 304.1.133: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=133&pagefile=133-0011> (дата обращения – 04.10.2018).

⁴² См., например: *Синицына Н. В.* 1) Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV – первой половины XVI в. и его трудности // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 99–107; 2) Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 288, примеч. 11; Образец «классической» манеры Исаака Собака (РГБ. Ф. 173.1.6: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=006> (дата обращения – 04.10.2018)).

⁴³ *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л., 1977. С. 119–122.

материалы древнерусских грамматических статей, было установлено, что в древнерусском книгописании существовало как противопоставление уставу и скорописи, так и противопоставление этих двух типов письма письму «метному», которое регулировалось соображениями скорости и удобства. Понятие «полуустав», встречающееся эпизодически в описях и не фигурирующее в учебных пособиях и грамматических статьях, вероятно, имело схожее значение⁴⁴.

Каким же образом полуустав приобрел значение типа письма и как возникла троичная схема развития древнерусской письменной графики? В исторических трудах первой половины – середины XVIII в. письмо рукописных памятников зачастую не описывается, или ему даются весьма расплывчатые, далекие от системности определения: «древнее письмо с юсами», «старое письмо», «письмо новейшее»⁴⁵ и т. д. Важнейшие изменения в представлениях о типологии древнерусского письма связаны с именем А. Л. Шлецера. В 1768 г. вышла его первая специальная работа о русских летописях «Probe Russischer Annalen», закладывающая основу современных представлений: «Письмо (русских летописей. – Е. Л.), как и во всех славянских рукописях – тройственно: уставное (fraktur), полууставное (halbfraktur) и скорописное (cursiv...). Первый (устав. – Е. Л.) – самый четкий и хорошо воспринимающийся. Все буквы одинакового размера, довольно массивные и крупные; каждая буква пишется отдельно и все находятся на равном расстоянии друг от друга; очертания в основном угловатые, с небольшим количеством изогнутых линий. Скорописное письмо беглое, с извивающимися линиями, как и сейчас пишут. Полуустав – среднее между этими двумя»⁴⁶. Прочитанный текст вошел и в знаменитый «Нестор»⁴⁷. Позаимствовать такие термины, когда древнерусская грамматическая традиция и монастырская документация не были научно разработаны, Шлецер мог в современной ему лексике, где в середине XVIII в. продолжали окказионально использоваться как скоропись, так и устав, и полуустав⁴⁸.

Обратившись к приводимым Шлецером примерам, обнаружим, что эталонный образец устава для него – Патриарший список Никоновской летописи XVI в., в качестве других примеров приводятся Ипатьевская, Радзивилловская летописи, Воскресенский список Воскресенской летописи⁴⁹. В XXI в. все они уверенно определяются, как полууставные. Как примеры полуустава Шлецером приводятся Алатырский список Воскре-

⁴⁴ Об этом см.: Цыпкин Д. О. Что такое древнерусское «метное письмо»? // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI международной конференции. Москва, 12–14 апреля 2018 г. М., 2018. С. 367–369. – См. также: Цыпкин Д. О. «Азбука фряская» 1604 года как источник по истории искусства письма Древней Руси // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сборник научных статей. Вып. 6. С. 805–808.

⁴⁵ См., например: Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч. 1. М., 1768. С. 61–64.

⁴⁶ Schlözer A. L. Probe russischer Annalen. Bremen; Göttingen, 1768. S. 182–183.

⁴⁷ Schlözer A. L. Нестор. Die Ruische Annalen. Erster Teil. Göttingen: Heinrich Dieterich, 1802. S. 40–41.

⁴⁸ См., например: Чистович И. А. Решиловское дело. Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский: Материалы для истории первой половины XVIII столетия. СПб., 1861. Приложение. С. 11; СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 841. Л. 17 об., 189.

⁴⁹ Шлецер А. Л. Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке. Ч. 1 С. I–VIII.

сенской летописи, Академический список Новгородской I летописи младшего извода. Письмо этих рукописей отличается небольшим форматом и беглостью.

Отметим, что выводы Шлецера о типологии древнерусского письма были ограничены не только недостаточным изучением древнерусской грамматической традицией, но и интересом, сфокусированным именно на летописях. Обзорение прочих источников демонстрирует лапидарность знакомства с другими рукописными памятниками. По-видимому, в поле зрения Шлецера не попали относительно ранние кодексы (до XV в.). Проводя мысль о том, что «славенская словесность <...> почти с самого своего начала может предьявить непрерывный ряд письменных памятников»⁵⁰, Шлецер перечисляет известные ему ранние кодексы: Реймское Евангелие, считавшееся тогда утраченным, Изборник 1076 г., Стихирарь 1157 г. Не вполне ясно, был ли Шлецер знаком с двумя последними кодексами *devisu*.

Тем не менее, влияние введенного Шлецером категориального аппарата сказалось уже в 1770-х годах. Г. Ф. Миллер указывал, что положенный в основу его публикации Степенной книги список написан «чистым полууставом»⁵¹. Все три категории использует в описании списков летописей М. М. Щербатов⁵². По Шлецеру (с прямой ссылкой на него) описывает типологию древнерусского письма И. Г. Бакмейстер⁵³.

Следующий шаг на пути к современным представлениям о древнерусском письме связан с именем Евгения Болховитинова. В исследовании жалованной грамоты Великого князя Мстислава Юрьеву монастырю, он высказал следующие соображения: «почерк письма в грамоте есть совершенно уставный, у нас так называемый, а у западных дипломатиков *litterae unciales*, т. е. смешанный из заглавных угловатых и некоторых округлых букв. Таким письмом писаны все наши древнейшие пергаменные книги XI, XII, XIII и частию XIV века. Ибо с половины XIV века начал употребляться почерк полууставной, состоящий больше из округлых, нежели прямолинейных букв, а с XV века пришло к нам из Польши скорописное письмо»⁵⁴. Так была предпринята первая попытка представить историю русского письма, как последовательность сменяющих один другого основных типов.

В письме В. Г. Анастасевичу от 20 декабря 1814 г. Е. Болховитинов писал: «по почеркам букв можно различать век рукописей. Гаттерер в своей дипломатике <...> различил буквы на несколько классов и определил им век. Но у нас ничего еще подобного не думано»⁵⁵. Из процитированного текста видно, что Болховитинова вдохновил пример

⁵⁰ Шлецер А. Л. Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке. С. ПФ–РБ.

⁵¹ Книга степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оныя до времен государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича. М., 1775 С. VII.

⁵² Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. Т. I: От начала до кончины великаго князя Ярослава Владимировича. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770. С. X–XIII.

⁵³ См. *Vacmeister J. Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet decuriosité et d'histoire naturelle de l'Académie des sciences de Saint Pétersbourg. St. Pétersbourg, 1776. P. 24.*

⁵⁴ Евгений (Болховитинов). Примечания на грамату великаго князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельнаго князя Новгородскаго, пожалованную новгородскому Юрьеву монастырю // Вестник Европы. 1818. Ч. 100. № 15–16. С. 225–226.

⁵⁵ Письма митрополита Евгения к В. Г. Анастасевичу из Калуги и Пскова (1813–1818 гг.). Сообщены А. Неустроевым // Древняя и новая Россия. 1880. № 10. Октябрь. С. 363.

И. Х. Гаттерера, в основе методологии которого находилась оценка письма, исходя из доли применяемых письменных знаков различных типов⁵⁶.

Однако, в отличие от Гаттерера, Болховитинов не мог опираться на фундаментальные публикации палеографических образцов. В письме Румянцеву от 17 августа 1817 г. ученый писал: «мы до сих пор не имеем еще палеографических отпечатков, кроме четырех, а именно: Мстиславовой грамоты, ... Тмутараканского камня, Новгородских двух граммат... и нескольких выписок, изданных г. Олениным»⁵⁷. Несколько ранее (2 января 1816 г.) в письме тому же адресату Болховитинов отметил, что «ничего не имел в помощь себе, кроме Гаттереровой Дипломатики, нескольких отысканных <...> по вологодским монастырским архивам грамот и справок с московским иностранным архивом». Цель своей работы он описывал так: «Мое намерение было <...> составить хотя краткое начертание русской дипломатики, применяясь к общей Гаттереровой: ибо у нас, сколько мне известно, никто еще не начинал сего. А первые опыты, особливо при недостатке образцов, бывают всегда недостаточны»⁵⁸.

Хронологические определения устава и полуустава хорошо коррелируют с представлениями митрополита Евгения об истории образованности на Руси. Согласно им, киевский период (т. е. период устава) оказывался своего рода золотым веком, когда устраивались школы, и даже при Ярославе Мудром существовал «целый институт переводчиков с греческого на славенский язык». Нашествие татар остановило «просвещение россиян». Новое оживление происходит со второй половины XIV в.⁵⁹ Как видим, именно в этот момент, по мнению ученого, появляется полуулав⁶⁰.

Из приведенных писем Болховитинова очевидно, что подобно А. Л. Шлецеру, он считал свои взгляды на письмо первым шагом, который должен стимулировать дальнейшие исследования. Тем не менее, сформированная ученым схема была воспроизведена А. Х. Востоковым в предисловии к «Описанию Румянцевского музеума»⁶¹. Авторитет А. Х. Востокова закрепил представление о сменяющих друг друга уставе, полууставе и скорописи в сознании исследователей. Эта схема вошла во все классические пособия по славяно-русской палеографии и является господствующей до сего дня. Представляется, что наступило время верификации имеющихся у нас представлений об истории древнерусского письма посредством прежде всего системного специального палеографического исследования датированных древнерусских кодексов, включая и кодексы XVI–XVII вв.

⁵⁶ *Gatterer I. C. Elementa artis diplomatica universalis. Göttingen, 1765. F. 43–44.*

⁵⁷ Переписка митрополита Киевского Евгения Болховитинова с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно). Вып. 1. Воронеж, 1868. С. 7.

⁵⁸ Там же. С. 4.

⁵⁹ *Евгений (Болховитинов). Всеобщее хронологическое обозрение начала и распространения Духовных Российских Училищ с показанием всех бывших о них учреждений и Указов // История Российской Иерархии. Ч. I. М., 1807. С. 404–410.*

⁶⁰ Сходную попытку связать эволюцию культуры с изменениями в письме применительно к Балканам см.: *Palameta M. Kulturološkikodoviu hrvatskoj ćirilčkoj epigrafici // Filologija. 2014. Vol. 62. P. 183–201.*

⁶¹ *Востоков А. Х. Описание русских и славенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. II.*

SUMMARY

There is a certain consensus in understanding the Russian writing development history and typology in the literature on Cyrillic paleography. The Russian writing in the early period of its history – the 11th – 14th centuries – is associated with the so-called *ustav*, i.e. the slow, solemn writing with regular outlines. In the late 14th century, *poluustav* developed, which dominated in the 15th – 16th centuries. It had less ‘regular’ outlines, and abbreviations were often used. Nearly at the same time, in the late 14th century, *skoropis*’ appeared on the basis of *poluustav*. It was even faster and more ‘irregular’ than *poluustav* and prevailed until 17th century and later.

This paper will consider the problems associated with the concepts of *ustav* and *poluustav*. We will try to demonstrate that the use of these concepts creates an artificial border between the Old Russian writing of the 11th–14th and that of the 15th–17th centuries. The three-part system of the Old Russian writing typology is a construct that came into being in the earliest works on the history of the Old Russian writing in the late 18th – early 19th centuries, when the paleographic studies of the material were critically insufficient.

Let us consider the concept of *ustav*. It is defined as slow and careful writing. However, there are known manuscripts of the early period of the Old Russian writing, which were written relatively simply and even carelessly. I. I. Sreznevskiy noted that *ustav* could be ‘not only slow, but also fast’. N. Karinsky, who undertook a systematic consolidated publication of the writing samples of the 11th-century Russian manuscripts, noted that along with the calligraphic examples of the *ustav* writing there are ‘...additions of the time close, if not contemporary, to the manuscripts, which can be used in order to judge about more routine writing’.

Ustav is the writing of regular proportions and forms. However, even if we take off the table the simple and relatively hasty samples mentioned above, this part of the definition cannot be applicable to any *ustav* writing. Thanks to Sreznevskiy’s fundamental research and his consistent study of the available, precisely dated Russian manuscripts of the 11th – 14th century, one can confidently state the considerable departure from the graphic samples of the 11th – 12th centuries, occurring in the 13th century and leading in the 14th century to the development of the new, peculiar look of the Old Russian writing.

This concept was developed by A. I. Sobolevskiy and especially by V. N. Shchepkin, who described most fully the 14th-century ‘new *ustav*’. The latter rightly noted the typical features of the *ustav* script of the late 13th–14th centuries that show quite definite trends: higher crossbars in the letters «и», «н», etc., reduced upper parts of the letters «в», «ж», «к», etc., the writing tends to high proportions and generally departs from the regularity and proportionality of the early *ustav* outlines.

Ustav is characterized by few contractions; however, this part of the definition is not fully accurate. While studying contractions in the Old Russian manuscripts, E. E. Granstrem paid attention to their freer and wider use in auxiliary texts: *menologia*, reading indices, where a scribe was less bound by the canon. Therefore, in the researcher’s opinion, the tendency to the *poluustav* development can be observed as early as in the 11th century.

Therefore, the general definition of *ustav* simplifies to a large extent the picture of the Old Russian writing of the 11th – 14th centuries, contributing to the creation of the border between the *ustav* and *poluustav* periods in the researchers’ perception. Let us proceed to analyzing the *poluustav* concept. It is very widely understood. Within the concept of the “Second South Slavic influence”, A. I. Sobolevskiy distinguishes two sub-types of *poluustav*: 1) the indigenous

‘Russian’ or ‘elder’ poluustav that appeared in the late 14th century, and 2) the ‘South Slavic’ or ‘younger’ poluustav that completely replaced the former in the early 15th century.

These two subtypes appear in literature as incomparable phenomena. As for the ‘elder poluustav’, its simplified, careless and utilitarian nature is always emphasized. It has low proportions and essentially the same thickness of strokes. It is practically defined as a less formal version of the contemporary 14th century ustav. The idea of the ‘younger poluustav’ does not involve any extent of carelessness or simplicity of the writing. It includes the solemn, big writing as well as the smaller one. The set of features of the ‘elder poluustav’ described in literature does not justify its distinguishing as an independent style of writing. It has already been mentioned that manuscripts performed in simplified, relatively hasty or careless writing are not a specific feature of the 14th century. Most outlines cited as markers of the ‘elder poluustav’ – ‘anchor e’, ‘e with raised tongue’, high ‘ъ’, ‘т’ and ‘э’, outlines with high crossbars and reduced upper part – can be also observed in ustav manuscripts. Other outlines are simplifications: simplified ‘з’ with a round tail, quadrangular stepped ‘в’, rifted ‘ч’. Such outlines may be explained by both the general cursory or careless character of writing and by its small size. At least the last two outlines appear in the manuscripts performed by small but high-quality writing, which the researchers define as ‘small ustav’.

It is believed in literature that the appearance of the ‘younger poluustav’ is related to the development of the South Slavic writing rather than the Old Russian one. P. A. Lavrov has observed already in the Bulgarian manuscripts of the 13th century ‘various departures from the regular ustav type’ that in the mid-14th century led to the appearance of poluustav. They include ‘extending’ the letters at line ends, sometimes also in the middle, in the last lines of a sheet; reduced upper letter parts; asymmetrical outlines. V. N. Moshin explains similar trends in the Serbian writing by the development of skoropis’ (cursive writing) during the 13th century, which would influence the book writing in the 14th century. There are grounds to believe that similar tendencies were also common in the Old Russian writing until the 15th century.

The researchers of the Russian manuscripts of the late 14th – early 15th centuries pay their attention, foremost, to the orthography. M. G. Galchenko has performed their most detailed analysis and evolved Sobolevskiy’s observations. Among the phenomena noted by her, the following refer to the script: 1) using ligature ‘y’, 2) using comma and semicolon as a separating character, 3) using paerok, 4) using accent characters, such as ‘oksia’, ‘varia’, etc., 5) using ‘s’ as a letter, 6) using graphemes like ‘o’ with two dots or a cross inside.

V. N. Shchepkin has provided the most detailed analysis of the ‘younger poluustav’ concept from the point of view of a script. He distinguished the group of ‘new’ outlines that coexist with the ‘old’ ones: ‘в’ quadrangular, rounded, in the form of ‘e’, new shapes of ‘v’, ‘b’ with a high mast and a waved horizontal element on it, ‘ъ’ with a high bent mast, ‘a’ with curved or straight elements that go beyond a line. Other ‘new’ outlines, in Shchepkin’s opinion, ‘replaced their predecessors’:

- 1) ornate outlines of ‘zemlya’, including those reminding Arabic figure 3;
- 2) a new type of wide ‘e’ with a straight or downward tongue, instead of wide ‘e’ with an upward tongue;
- 3) ‘w’ with a high center reappears instead of ‘w’ with a reduced center;
- 4) ‘т’ with three legs instead of ‘т’ on one leg;
- 5) one-sided ‘ч’ instead of symmetrical ‘ч’;
- 6) ‘и’, ‘н’, ‘ю’ with a slant crossbar in the middle instead of the outlines with a slant crossbar above.

So, the 'new' outlines mainly do not replace the 'old' ones, but rather coexist with them. Rather than talking about the departure from the preceding tradition in the late 14th – early 15th century, one can suggest its enrichment with new graphic forms. Some of them, however, were already present in the Old Russian texts. In the prevalent number of manuscripts of the 15th – 17th centuries, 'new' outlines (ornate variants of 'zemlya', outlines with masts pulled far above or down the line, with wavy horizontal lines, etc.) are limited and do not form the style.

The book writing of the 16th century knows the script that diverged from the 'classical' manner. Among such 'innovative' manners one can mention calligraphic works by Isaak Birev and Iona Koza, who used outlines with above-the-line wavy horizontal elements of 'Ъ', 'Э', and 'Т', thus creating a specific writing rhythm. Even further from traditions were 'grecised' manners tending to rounded forms, e.g., the manners of Guriy Tushin and Isayya Kargopolets. It is known that Issak Birev and Guriy Tushin could write in 'classical' manner.

Thus, the concept of poluustav is excessive and insufficient at the same time. On the one hand, it combines essentially different phenomena. A rough writing of the late 14th century is united with the book writing of the 15th – 17th century in its entire diversity – from the fundamental writing to the manners influenced by the Greek minuscule. On the other hand, this concept breaks what can be conventionally named a 'traditional trend' in the development of the Old Russian book writing. It is impossible to deny the significant stylistic changes in the script of the 15th – 16th centuries in comparison with the 14th century. However, as it has already been mentioned, that stylistic shift can be observed already in the 13th – 14th centuries.

Considering the above, it is possible to argue that the Old Russian book writer knew two main types of writing: ustav (or book writing) and skoropis'. The first to notice it was M. V. Kukushkina, who studied the materials of the North-Russian monasteries of the 17th century. D. O. Tsyarkin has ascertained that there was not only the opposition of 'ustav' to 'skoropis' in the Old Russian book-writing. Those two types were opposed to the 'metnoe pismo', which may have been based on both the book writing and the cursive writing and was regulated only by considerations of speed and convenience. The concept of poluustav, that occasionally occurs in inventories but is absent in the tutorials and grammar articles had a similar meaning.

So how did poluustav acquire the significance of a type of writing and how did a three-part system of the Old Russian writing come into being? As a rule, the historical studies of the early and mid-18th century either did not describe the manuscript writing or gave it rather vague, hardly systematic, definitions: 'old writing with yuses', 'ancient writing', 'the newest writing', etc. Most important changes in understanding the typology of the Old Russian writing are associated with the name of August Ludwig von Schlözer. In 1768 his first special work about the Russian chronicles appeared – *Probe Russischer Annalen*, where Schlözer described the types of the Old Russian writing, thus laying the foundations for the modern ideas. In the situation when the Old Russian grammar tradition had not yet been scholarly developed, Schlözer may have adopted these description categories only from contemporary terminology, in which in the mid-18th century the terms skoropis', ustav and poluustav continued to be occasionally used.

It should be noted that Schlözer's views on the Old Russian writing typology were limited not only by the insufficient awareness of the Old Russian grammar tradition but also by the focus of his interest on the chronicles. Schlözer's review of other sources shows his brief

knowledge of other manuscripts. Apparently, he was rather vaguely aware of the relatively early codices (before the 15th century). Developing the idea that ‘Slavic literature is lucky to be able to present the continuous row of written artefacts from almost the very beginning’, Schlözer lists the early codices known to him: Reims Gospel considered lost at that time, Izbornik of 1076, the Book of Sticheron of 1157. It is not quite clear, whether Schlözer was familiar de visu with the last two codices.

Nevertheless the influence of the discourse introduced by Schlözer already showed in the 1770s. Gerhard Friedrich Müller pointed out that he had taken the copy written with ‘pure poluustav’ as the basis for his publication of *Stepennaya Kniga* (the Book of Royal Degrees). M. M. Shcherbatov used all three categories in his description of chronicles and their copies. Johann Gotlib Bacmeister described the typology of the Old Russian writing according to Schlözer (with direct reference to him).

The next step on the way to the present-day understanding of the Old Russian writing was made by Reverend Evgeniy Bolkhovitinov. In his research of Grand Prince Mstislav’s letter of grant to the Yuriev Monastery he stated, ‘... the writing of the letter is entirely ustavny, as we call it, while in the West they call it litterae unciales, i.e. a mix of capital angular letters and some rounded ones. All our oldest parchment books of the 11th, 12th, 13th and partly 14th centuries are written in that way. Starting from the mid-14th century, poluustav writing came into use; it contained more rounded letters than rectilinear ones. In the 15th century, cursive (*skoropisnoe*) writing came to us from Poland’. That was the first attempt to present the history of the Russian writing as a succession of main types. It is important to find out the reasons for that attempt.

The chronology of ustav and poluustav correlate well with Metropolitan Evgeniy’s ideas about the history of learning in Rus’. In his understanding, the Kievan period (i.e. the period of ustav) was in a sense the Golden Age when schools were opened, and even in the time of Yaroslav the Wise there was a ‘whole institute of translators from Greek into Slavic’. The Tartar invasion stopped ‘the enlightenment of the Russian’. The enlightenment revived in the second half of the 16th century. As we see, according to Metropolitan Evgeniy, it was the time when poluustav came into being.

It is evident from the cited Bolkhovitinov’s letters that, similar to Schlözer, he considered his views on writing to be the first step that was supposed to stimulate further research. Nevertheless, the system outlined by the scholar was reproduced by A. Kh. Vostokov in his introduction to the Description of the Rummyantsev Museum. Vostokov’s authority fixed the idea of successive ustav, poluustav and skoropis’ in the researchers’ minds. This system became a part of all classic textbooks on the Slavic and Russian paleography and has been predominant so far. In our opinion, the time has come to verify the existing ideas about the history of the Old Russian writing by means of systemic special paleographic research of the dated Old Russian codices, including those of the 16th–17th centuries.

Информация о статье:

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант РФФИ № 16-01-00210 «Генезис “московского” полуустава. Развитие русского полууставного письма в XV – первой половине XVI веков».

Автор: Ляховицкий, Евгений Александрович – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией Отдела рукописей, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия, stoglav@bk.ru, OrcID 0000-0003-2546-6125, Researcher ID F-1416-2016, SPIN-код 3165-3180

Заголовок: К проблеме типологии древнерусского письма

Резюме: Статья посвящена проблеме типологии древнерусского письма. Традиционно она представляется, как последовательность сменяющих друг друга трех основных типов письма – устава, полуустава и скорописи. Автор предпринимает попытку показать противоречивость и искусственность этой схемы, созданной в науке второй половины XVIII – первой четверти XIX в. А. Л. Шлецером и Е. Болховитиновым. Понятие «полуустановка» представляется неоправданно широким. Оно объединяет несопоставимые по масштабу явления: старший полуустановка, являющийся, фактически, сниженной версией современного ему устава XIV в. и младший полуустановка, представления о котором не связаны с со степенью небрежности и простоты письма: в него включается и торжественное, крупное письмо, и более мелкое. Совокупность признаков старшего полуустава, описываемых в литературе не оправдывает его выделение, как самостоятельного типа письма, связанного со второй половиной XIV в. Что же касается младшего полуустава, то его резкое отделение от предшествующей истории развития древнерусского письма представляется не оправданным. Свойственные ему новые начертания в большинстве своем не вытесняют старые, а используются наряду с ними. Можно говорить не о разрыве с предшествующей традицией в конце XIV – начале XV в., а о ее обогащении новыми графическими формами. В письменности XV–XVII в. не редкостью, а скорее преобладающим типом являются рукописи, в которых новые начертания используются ограниченно, и не являются стилообразующими.

Ключевые слова: кириллица, славяно-русская палеография, палеография, устав, полуустановка, скоропись, летописи, древнерусское письмо

Литература, использованная в статье:

- Быстрова, Елена Сергеевна.* Скоропись в русской палеографии // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 2. 2011. С. 49–60.
- Вздорнов, Герольд Иванович.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV вв. Москва: Искусство, 1980. 552 с.
- Гальченко, Мария Георгиевна.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Москва; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 496 с.
- Гранстрем, Евгения Эдуардовна.* Сокращения древнейших славяно-русских рукописей // Труды отдела древнерусской литературы. 1954. Т. 10. С. 427–434.
- Ищенко, Дмитрий Семенович.* Старейший русский список Студийского устава // Исследования источников по истории русского языка и письменности. Москва: Наука, 1966. С. 140–161.
- Каринский, Николай Михайлович.* Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1925. 13 с.
- Карский, Евфимий Федорович.* Славянская кирилловская палеография. Москва: Наука, 1979. 494 с.
- Костюхина, Людмила Михайловна.* Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. Москва: Государственный исторический музей, 1999. 345 с.
- Кукушкина, Маргарита Владимировна.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Ленинград: Библиотека Академии Наук СССР, 1977. 223 с.
- Лавров, Петр Алексеевич.* Палеографическое обозрение кирилловского письма // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4.1. Петроград: отделение рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1914. С. 1–339.
- Левочкин, Иван Васильевич.* Основы русской палеографии. Москва: «Кругъ», 2003. 175 с.
- Ляховицкий, Евгений Александрович, Шибаев, Михаил Алексеевич.* Писцы Макарьевский миней Четых // История и культура. № 13. 2015. С. 301–323.
- Мошин, Владимир Николаевич.* Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973. С. 64–66.
- Синицына, Нина Васильевна.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Москва: «Наука», 1972. С. 286–317.
- Синицына, Нина Васильевна.* Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV – первой половины XVI в. и его трудности // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. Москва: Наука, 1974. С. 89–113.
- Соболевский, Алексей Иванович.* Славяно-русская палеография. Москва: URSS, 2005. 63 с.
- Тихомиров, Михаил Николаевич; Муравьев, Анатолий Васильевич.* Русская палеография. Москва: Высшая школа, 1966. 200 с.

Турилов, Анатолий Аркадьевич. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: этюды и характеристики. Москва: Знак, 2012. 808 с.

Цыпкин, Денис Олегович. «Азбука фряская» 1604 года как источник по истории искусства письма Древней Руси // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сборник научных статей. 2016. Вып. 6. С. 800–814.

Цыпкин, Денис Олегович. Что такое древнерусское «метное письмо»? // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI международной конференции. Москва, 12–14 апреля 2018 г. М., 2018. С. 367–369.

Черепнин, Лев Владимирович. Русская палеография. Москва: Наука, 1956. 616 с.

Шибяев, Михаил Алексеевич. К вопросу о типологических признаках так называемого старшего полуустава // Историк и источник: Сборник статей в честь Сергея Николаевича Кистерева. Санкт-Петербург: Искусство России, 2018. С. 59–73.

Щелкин, Вячеслав Николаевич. Русская палеография: учебник для студентов вузов. Москва: Аспект Пресс, 1999. 269 с.

Palameta, Miroslav. Kulturološki kodovi u hrvatskoj ćirilskoj epigrafici // Filologija. 2014. Vol. 62. P. 183–201.

Information about the article

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No.16-01-00210.

Author: Lyakhovitskiy, Evgeniy Alexandrovitch – Russian National library, Saint-Petersburg, Russia, stoglav@bk.ru, OrcID 0000-0003-2546-6125, ResearcherID F-1416-2016, SPIN-cod 3165-3180

Title: To the problem of the Old Russian writing's typology

Abstract: The article is devoted to the problem of Old Russian writing's typology. Traditionally, it is presented as a sequence of three main types of letters replacing each other – ustav, poluustav and skoropis'. The article attempts to show the inconsistency and artificiality of this scheme, created in the science of the second half of the XVIII – the first quarter of the XIX century by A. L. Schlezer and E. Bolkhovitinov. The concept of poluustav seems unreasonably broad. It brings together incomparable phenomena: the “senior poluustav”, which appears in the literature, in fact, as a reduced version of the modern Statute of the XIV century and the “junior poluustav”, the ideas about which are not associated with the degree of negligence and simplicity of writing: it includes a solemn, large letter, and a smaller one. The set of features of the senior poluustav described in the literature does not justify its allocation as an independent type of writing associated with the second half of the XIV century. As for the junior poluustav, its sharp separation from the previous history of the development of Old Russian writing seems to be unjustified. The new features peculiar to it are for the most part not replacing the old ones, but used along with them. It's possible to talk not about a break with the previous tradition in the end of XIV – the beginning of XV century, but about its enrichment with new graphic forms. In the writing of the XV–XVII century there are not rare, but rather the predominant type of manuscripts in which new styles are used in a limited way, they are not style-makers.

Keywords: Cyrillic, Slavic-Russian paleaeography, ustav, poluustav, skoropis, paleography

References:

Bystrova, Elena Sergeevna. Skoropis v russkoy paleografii [Skoropis in Russian paleography], in *Photography. Image. Document*. 2011. Vol.20. Pp. 49–60 (in Russian).

Cherepnin, Lev Vladimirovich. *Russkaya paleografiya* [*Russian paleografia*]. Moscow: Nauka Publ., 1956. 616 p. (in Russian).

Galchenko, Mariya Georgiyevna. *Knizhnaya kultura. Knigopisaniye. Nadpisi na ikonakh drevney Rusi*. Moscow; Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2001. 496 p. (in Russian).

Granstrem, Evgeniya Eduardovna. Sokrashcheniya drevneyshikh slavyano-russkikh rukopisey [Abbreviations of ancient Slavic-Russian Manuscripts], in *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. 1954. T. 10. Pp. 427–434. (in Russian).

Ishchenko, Dmitriy Semenovich. Stareyshiy russkiy spisok Studiyskogo ustava in Issledovaniya istochnikov po istorii russkogo yazyka i pismennosti [The oldest Russian list of the studio Charter], in *Issledovaniya istochnikov po istorii russkogo yazyka i pis'mennosti*. Moscow: Nauka Publ., 1966. Pp. 140–161. (in Russian).

Karinskiy, Nikolay Mikhaylovich. *Obraztsy pisma drevneyshego perioda istorii russkoy knigi* [*Samples of the ancient letter Period of history of the Russian Book*]. Leningrad: Publishing of the USSR Academy of Sciences Publ., 1925. 13 p. (in Russian).

- Karskiy, Evfimiy Fedorovich. *Slavyanskaja kirillovskaya paleografiya* [*Slavonian Cyrillic Paleography*]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 494 p. (in Russian).
- Kostyukhina, Lyudmila Mikhaylovna. *Paleografiya russkikh rukopisnykh knig XV–XVII vv.* [*Paleography of Russian handwritten books of XV–XVII centuries*]. Moscow: State historical Museum Publ., 1999. 345 p. (in Russian).
- Lavrov, Petr Alekseyevich. Paleograficheskoye obozreniye kirillovskogo [Review of Cyrillic Letters], in *Enciklopediya slavjanskoy filologii*. Vol. 4.1. Petrograd: Department of Russian language. and literature of Imperial Academy of Sciences Publ., 1914. Pp. 1–339. (in Russian).
- Lyovochkin, Ivan Vasilyevich. *Osnovy russkoy paleografii* [*Basics of Russian Paleography*]. Moscow: Krug Publ., 2003. 175 p.
- Lyakhovitskiy, Evgeniy Aleksandrovich; Shibayev, Mikhail Alekseyevich. Pistry Makaryevskih miney Chetikh [Scribes of Makarian Great Minaion Reader], in *Istoriya i kultura*. 2015. No 13. Pp. 301–323. (in Russian).
- Moshin, Vladimir Nikolaevich. Paleograficheskoye-orfograficheskoye normy uzhnoslavjanskikh rukopisey, in *Metodicheskie rekomendacii po opisaniju slavjano-russkikh rukopisej dlja Svodnogo kataloga rukopisej, hranjashhihsja v SSSR*. Vol. 1. Moscow, 1973. Pp. 64–66. (in Russian).
- Palameta, Miroslav. Kulturološki kodovi u hrvatskoj ćirilčkoj epigrafici [Cultural codes in Croatian cyrillic epigraphy], in *Filologija*. 2014. Vol. 62. Pp. 183–201. (in Croatian).
- Schepkin, Vyacheslav Nikolaevich. *Russkaya paleografiya: uchebnik dlya studentov vuzov* [*Russian Paleography: the textbook for students*]. Moscow: Aspekt Press, 1999. 269 p.
- Shibaev, Mikhael Alekseevich. K voprosu o tipologicheskikh priznakakh tak nazываемого starshego poluustava [On the question of typological features of the so-called senior Poluustav], in *Historical and source. The collection of articles in honor of Sergei Nikolaevich Kisterev*. Saint Petersburg: The Art Of Russia Publ., 2018. Pp. 59–73. (in Russian).
- Sinitsyna, Nina Vasilyevna. Knizhnyy master Mikhail Medovartsev [Book Master Mikhail Medovartsev], in *Drevnerusskoye iskusstvo. Rukopisnaya kniga*. Moscow: Nauka Publ., 1972. Pp. 286–317. (in Russian).
- Sinitsyna, Nina Vasilyevna. Otozhdestvleniye pocherkov russkikh rukopisnykh knig kontsa XV – pervoy poloviny XVI v. i ego trudnosti [Identification of handwritings of Russian handwritten books of the end XV – the first half of XVI centuries, and its difficulties], in *Problemy paleografii i kodikologii v SSSR*. Moscow: Nauka Publ., 1974. Pp. 89–113. (in Russian).
- Sobolevskiy, Aleksey Ivanovich. *Slavyano-russkaya paleografiya* [Slavic-Russian paleography]. Moscow: URSS Publ., 2005. 63 p. (in Russian).
- Tikhomirov, Mikhail Nikolayevich; Muravyev, Anatoliy Vasilyevich. *Russkaya paleografiya* [*Russian paleography*]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1966. 200 p. (in Russian).
- Tsyppkin, Denis Olegovich. «Azбука fryaskaya» 1604 goda kak istochnik po istorii iskusstva pisma Drevney Rusi [“ABC Frasca” 1604 as a source for the history of the art of writing of Ancient Russia], in *Actual problems of theory and history of art: the collection of scientific articles*. 2016. Issue 6. Pp. 800–814. (in Russian).
- Tsyppkin, Denis Olegovich. Chto takoe drevnerusskoe «metnoe pismo»? [What is the ancient “covering letter”?], in *Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge*. Proceedings of the XXXI International conference. Moscow, 12–14 April 2018. Moscow, 2018. Pp. 367–369. (in Russian).
- Turilov, Anatoliy Arkadyevich. *Mezhslavyanskiye kulturnyye svyazi epokhi Srednevekovia i istochnikovedeniye istorii i kulturny slavyan: etyudy i kharakteristiki* [Inter-Slavic cultural relations in the Middle Ages and source studies of the history and culture of the Slavs: essays and characteristics]. Moscow: Znak Publ., 2012. 808 p. (in Russian).
- Vzdornov, Gerold Ivanovich. *Iskusstvo knigi v Drevney Rusi. Rukopisnaya kniga Severo-Vostochnoy Rusi XII – nachala XV vv.* [*The art of the book in ancient Rus. Handwritten book of North-Eastern Russia XII – beginning of XV centuries*]. Moscow: Art Publ., 1980. 552 p. (in Russian).